

16. *Ляшенко Л.М.* История терроризма в России в документах, исследованиях / Вопросы истории. 1998. №6. С.158.
17. *Будницкий О.В.* Указ. соч. С.10.
18. *Антонян О.М.* Терроризм. М., 1998. С.10.
19. *Трунов И.Л.* Правовые аспекты борьбы с терроризмом // Право и политика. 2004. № 9. С.73.
20. «О безопасности»: Закон Российской Федерации от 5.03.1992 г. // Российская газета. 1992. 6 мая. Ст. 1, 3.
21. *Родина И.* От безопасности в семье к безопасности в обществе // <http://www.kreml.org/>.
22. *Ольшанский Д.* Психология террора. М., 2002.
23. *Жаринов К.В.* Терроризм и террористы: Исторический справочник. Минск, 1999. С. 24; *Манжосов А.А.* Терроризм как крайняя форма развития политической ситуации // Россия. XXI век – антитеррор. М., 2000. С.110–111.
24. *Устинов В.В.* Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. М., 2002. С.131.
25. *Емельянов В.П.* Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. СПб., 2002.
26. Уголовный кодекс Российской Федерации // Свод Кодексов и Законов Российской Федерации. СПб., 2005. С. 843.
27. *Лакер У.* Россия в условиях трансформации. М., 2001. С. 52.
28. *Кобозева Е.А., Рябинков А.Г.* Уголовно-правовые вопросы ответственности за терроризм. Домодедово, 2005. С.13.
29. *Кудрявцев И.А.* Ограничения гражданских прав с целью обеспечения безопасности государства (гражданско-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2004.
30. Конституция Российской Федерации. М., 1993; Гражданский кодекс Российской Федерации // Свод Кодексов и Законов Российской Федерации. СПб., 2005. С.137.

С.В. Петрова (Сочи)

ВОСТОК И ЗАПАД: ДВА ПУТИ РАЗВИТИЯ

Интерес к Востоку в наши дни огромен и, видимо, будет возрастать. Интерес этот всесторонен и всеобъемлющ: история и культура, общество и государство, человек и религия (люди и боги), и наконец, древние первоосновы великих цивилизаций Востока – все ныне в центре внимания самих жителей стран Востока, стремящихся к самопознанию и самоидентификации, к открытию фундаментальных основ собственного бытия, и тем более интересуется представителями иной, западной европейской традиции, чьи генеральные параметры

столь отличны от восточных. Такого рода всеобщий интерес далеко не случаен: конец XX в. с его нависшими над планетой мрачно-апокалиптическими тучами побуждает многих всерьез заинтересоваться как экзистенциальными проблемами (что пробуждает активное внимание к мистике, а здесь бесспорный приоритет за древними культурами и религиями Востока), так и поисками корней, первоистоков. Кроме того, многое в современном мире вплотную связано с Востоком – достаточно напомнить о феномене развивающихся стран с их острейшими экономическими, демографическими и социокультурными проблемами, пути решения которых пока далеко еще не найдены. Как и когда эти проблемы будут решены, каковы пути их решения – все это волнует и не может не волновать мир, подавляющее большинство населения которого живет именно в развивающихся странах, в первую очередь в странах Востока.

Что же такое Восток? Этот вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд. Речь идет не о географическом понятии – скорее об историко-культурном, социополитическом, цивилизационном... Речь идет о гигантской всечеловеческой цельности, пусть в чем-то весьма неоднородной и противоречивой, но все же почти монолитно-цельной в своей глубинной основе – той самой основе, которая, собственно, и породила в свое время дихотомию Восток–Запад. Но как же возникла эта дихотомия и что в конечном счете ее породило?

Как известно, история начинается именно на Востоке. В плодородные долины и предгорья Ближнего Востока уходят своими корнями древнейшие очаги мировой цивилизации. Именно здесь возникали и приобретали устойчивые формы древнейшие социальные и политические институты, совокупность которых определила очертания наиболее ранних модификаций человеческого общества, а затем и государства. Недаром древние римляне, цивилизация которых во многом была дочерней по отношению к ближневосточной, с уважением говорили: «Ех Oriente lux» («Свет с Востока»).

Ближневосточные земли, соединяющие Африку с Евразией, на протяжении многих сотен тысячелетий были тем естественным мостом-перекрестком, по которому перемещались, встречаясь друг с другом, древнейшие популяции гоминид (предлюдей), архантропы и палеоантропы. Смешение таких популяций и связанная с этим метисация резко ускорили

процесс трансформации гоминид, сыграв существенную роль в подготовке тех благоприятных мутаций, которые привели в конечном счете к возникновению именно в этом районе мира человека современного типа – *Homo sapiens*. И хотя специалисты расходятся во мнениях по вопросу о том, была ли ближневосточная зона сапиентации единственной, есть веские основания полагать, что именно здесь около 40 тысячелетий назад появились первые сапиентные люди, миграция которых в различные районы ойкумены с вытеснением из них обитавших там досапиентных гоминид и с метисацией с этими последними послужила основой для появления в различных районах Земного шара различных расовых типов.

Первые сапиентные неантропы были в основном охотниками и собирателями и перемещались вслед за служившими им пищей животными, зоны обитания которых изменялись в зависимости от колебаний в климате, от вызывавшихся геологическими катаклизмами ледниковых периодов. Наиболее благоприятной для существования зоной при этом по-прежнему оставалась ближневосточно-средиземноморская; именно здесь 10–12 тысячелетий назад начался переход от палеолита (древнекаменного века) к неолиту. Суть перехода сводилась к постепенному оседанию коллективов бродячих охотников и собирателей в обильных растительностью и дичью лесостепных районах ближневосточных предгорий (Палестина, Анатолия, Загрос и др.). Осевшие здесь группы вначале лишь охотились за обитавшими в горах мелкими животными и собирали дикорастущие растения, особенно злаки. Позже они нашли способ одомашнить животных и окультурить некоторые растения, что положило начало скотоводству и земледелию.

Свершившийся на рубеже палеолита и неолита переход от присваивающего хозяйства к производящему получил в науке название неолитической революции. Этот переход действительно сыграл поистине революционную роль в истории человечества, так что в смысле открывшихся перед людьми новых возможностей и перспектив он может быть поставлен в один ряд с промышленным переворотом раннего европейского капитализма и современной НТР. Суть его в том, что оседлый быт с гарантированной пищей способствовал резкому ускорению дальнейшего развития производства и культуры, что в свою очередь привело к расцвету жилищного и хозяйствен-

ного строительства, производству разнообразного и высококачественного каменного инвентаря (неолитического орудия), керамических сосудов для хранения и приготовления пищи, а также к изобретению прядения и ткачества с последующим изготовлением различных одежд. Однако для истории наибольшее значение имеют те следствия, причиной которых была революция в производстве. Среди них следует обратить внимание на два главных и наиболее важных.

Во-первых, новые условия оседлой и обеспеченной пищей жизни сыграли важную роль в изменении всего образа жизни человека, приобретшего благоприятные возможности для гарантированного стабильного существования. Увеличение рождаемости и выживаемости детей в новых условиях привело к резкому росту темпов прироста населения, за счет чего заметно усилился процесс миграции и расширились границы достижений неолита. Избыточное население осваивало новые пригодные для земледелия территории – сначала в районе плодородных речных долин Ближнего Востока, затем в других землях, включая Северную Африку, европейское Средиземноморье, Иран, Среднюю Азию, Индию и Китай.

Во-вторых, производственный потенциал земледельческого неолита оказался столь значительным, что уже на ранних этапах существования земледельческих общин, особенно тех из них, которые располагались в наиболее плодородных районах речных долин, в оптимальных экологических условиях ближневосточной зоны, появилась объективная возможность создания избыточного продукта, за счет которого можно было содержать освобожденных от производства пищи людей, исполнявших различные административные функции. Иными словами, именно на основе появившихся в результате неолитической революции производственных возможностей и возникли в конечном счете древнейшие очаги урбанистической цивилизации со свойственными им надобщинными социальными структурами и ранними формами политической администрации.

Итак, история человека, его производящего хозяйства, культуры, равно как и история в полном смысле этого слова, т.е. история человеческой цивилизации, – все это восходит к неолитической революции, имевшей место в ближневосточной зоне около 10 тысячелетий назад, не говоря уже о том, что в той же зоне сложился и сам сапиентный человек. К это-

му следует добавить, что на базе производственных возможностей земледельческого неолита возникли первые известные науке протогосударственные структуры, подавлявшее большинство которых существовало опять-таки на Востоке, причем не только на Ближнем.

До эпохи античности протогосударства такого же типа были и на территории Европы, в частности в Греции, начиная с микенского периода ее истории. Однако с возникновения во второй трети I тысячелетия до н.э. античной Греции берет свое начало дихотомия Восток–Запад, ибо именно с этого времени греки стали фиксировать и ощущать весьма заметные отличия своего образа жизни от образа жизни соседних с ними цивилизованных народов Востока, не говоря уже о нецивилизованных «варварах». К чему же сводились эти отличия?

Сложившись на местной «гомеровской» основе, но заимствовав кое-что извне (в частности, ориентируясь на финикийский эталон), античное общество сформировалось прежде всего на базе развитых торговых связей и средиземноморского мореплавания. То и другое вкупе с благоприятными географическими условиями сыграло, видимо, свою роль в архаической революции, приведшей к преобразованию доантичной (в принципе близкой к типичной древневосточной) структуры в кардинально отличную от нее античную.

Трудно сказать, что послужило причиной архаической революции, которую смело можно уподобить своего рода социальной мутации, ибо во всей истории человечества она была единственной и потому уникальной по характеру и результатам. Одно несомненно: главным итогом трансформации структуры был выход на передний план почти неизвестных или по крайней мере слабо развитых в то время во всем остальном мире частнособственнических отношений, особенно в сочетании с господством частного товарного производства, ориентированного преимущественно на рынок, с эксплуатацией частных рабов при отсутствии сильной централизованной власти и при самоуправлении общины, города-государства (полиса). В античном мире были заложены основы так называемого гражданского общества, послужившего идейно-институциональным фундаментом быстрого развития античной рыночно-частнособственнической структуры. Всем этим античное общество стало принципиально отличаться от

всех других, прежде всего восточных, включая и финикийское, где ничего похожего не было.

Итак, начиная с античной Греции, в цивилизованном мире возникли две разные социальные структуры – европейская и неевропейская, причем вторая (по времени появления первая) была представлена многими вариантами, различавшимися в разных районах мира, но принципиально сходными, однотипными в главном: ей не были знакомы ни господствующая роль частной собственности, ни античное «гражданское общество».

Европейский путь развития – это чередование структурных модификаций (античная, феодальная, капиталистическая), при которых частнособственническая активность, временами снижавшаяся в первые века феодализма, в конечном счете была ведущей и структурообразующей. Именно господство частной собственности, огражденное системой соответствующих политических, правовых и социокультурных институтов, породило капитализм и тем заложило основу бурного экономического развития не только Европы, но и всего остального мира.

Но если одна структура ведет к капиталистическому развитию в силу заложенных в ней потенций эволюции, то другая, отличная от нее, в силу тех же обстоятельств (иные потенции) к капитализму привести не может, что и создает не просто несходство структур и путей развития, а ту самую дихотомию, о которой уже упоминалось ранее. Иными словами, противостояние Восток–Запад при этом возрастает до уровня символа. И с этой точки зрения Восток уже не тот географический Восток, как им его воспринимали античные греки и римляне, но в некотором смысле иной мир, основанный на других порядках, что, впрочем, тоже было хорошо известно уже древним грекам – достаточно вспомнить их отношение к персам в период длительных греко-персидских войн, подробно описанных Геродотом.

Дихотомия Востока и Запада анализировалась многими выдающимися деятелями культуры, причем или в смысле конфронтации, или с приматом Запада (Р. Киплинг) или Востока (Мао Цзедун). В России эта дилемма принимала форму диалога славянофилов и западников. Постепенно вызревала и идея о том, что культуры и цивилизации Запада и Востока, взаимодополняя друг друга, представляют собой определен-

ную целостность. Рационализм Запада и интуитивизм Востока, технологический подход и гуманистические ценности должны сочетаться в рамках новой общепланетарной цивилизации. Однако до этого далеко даже сейчас.

Интерес на Западе к Востоку возник благодаря свидетельствам христианских миссионеров XVI–XVII вв., которые первыми обратили внимание на существенные различия между регионами в политическом устройстве и ценностных ориентациях людей. Эти свидетельства положили начало двум направлениям в оценке Востока: панегирическому и критическому. В рамках первого Восток, и прежде всего Китай – страна всеобщего благоденствия, учености и просвещенности, – ставился в пример европейским монархам как образец мудрости в управлении. В рамках второго внимание акцентировалось на духе застоя и рабства, царившем в восточных деспотиях.

При непосредственном столкновении двух типов цивилизационного развития, восточного и западного, в условиях, когда сила государства определялась технико-экономическими и военно-политическими преимуществами, обнаружилось превосходство европейской цивилизации (хотя до V в. до н.э. явно доминировал Восток, до XVI–XVII вв. существовал евразийский культурно-экономический баланс, с XVII–XVIII вв. доминировала евроатлантическая цивилизация).

Все это породило в умах европейских интеллектуалов иллюзию «неполноценности» восточного мира и возникновение концепции «модернизации» как способа приобщения «косного» Востока к цивилизации. В то же время на Востоке в отношении европейцев практически до конца XIX в. господствовало представление о подавляющем морально-этическом превосходстве восточной цивилизации, о том, что у «западных варваров» заимствовать нечего, кроме машинной технологии.

В европейском общественном мнении колониальной эпохи постепенно формируется европоцентристский взгляд на мир, в котором динамичная, творческая, свободная Европа выполняет по отношению к застойному, деспотическому, фанатичному Востоку цивилизаторскую миссию. Подобный взгляд на мир был не только порождением сложившейся в XIX в. ситуации. Европоцентризм как общественно-политический феномен претерпел длительную эволюцию под влиянием объективных и субъективных факторов и всегда имел под собой

определенные основания. От греко-персидских войн в древности сохранялось ощущение как страха маленькой Европы перед огромным непредсказуемым Востоком, так и возможности его сокрушения. Противоборство с исламским миром в эпоху Средневековья возродило востокофобию в Европе, а успешное завершение противоборства связывалось европейцами не только с физическими усилиями с их стороны, но и с превосходством западного пути развития и образа жизни. В Новое время европоцентризм стал одной из идеологических опор колониальной экспансии Европы. В Новейшее время европоцентризм помогает обосновать противодействие метрополий национально-освободительному движению в колониях, якобы «неспособных» в силу своей отсталости к самоуправлению и независимости. В постколониальный период европоцентризм препятствует духовной деколонизации развивающихся стран и способствует навязыванию им западных моделей развития без учета их цивилизационной специфики, что может быть выгодным Западу, но ведет к тяжелым последствиям для Востока.

Современный цивилизационный подход, основываясь на идеях «культурного плюрализма», на признании неустранимости культурных различий и необходимости отказа от всякой иерархии культур и, следовательно, отрицания европоцентризма, вносит ряд уточнений в концепцию о принципиальном различии путей исторического развития Востока и Запада.

Все более утверждается мысль о том, что «отставание» Востока носит исторический характер: до определенного времени Восток развивался достаточно устойчиво, в том «своем ритме», который был весьма сопоставим с ритмом развития Запада. Более того, ряд исследователей считают, что исторически Восток вообще не является альтернативой Западу, а выступает исходным пунктом всемирно-исторического процесса.

В частности, Л. Васильев рассматривает «азиатское общество» как первую цивилизационную форму. Для возникших на Востоке деспотических государств характерным было отсутствие частной собственности и экономических классов. В этих обществах господство аппарата администрации и принципа централизованной редистрибуции (дань, налоги, повинности) сочеталось с автономией общин и иных социальных

корпораций при решении всех внутренних проблем. Произвол власти при соприкосновении индивида с государством породил синдром «сервильного комплекса», рабской зависимости и угодливости.

Общество с таким социальным генотипом обладало прочностью, которая проявлялась, помимо прочего, в неискоренимой потенции регенерации: на базе рухнувшего по той или иной причине государства с легкостью, почти автоматически возникало новое с теми же параметрами, даже если это новое государство создавалось иным этносом.

По мере эволюции этого общества появились товарные отношения и частная собственность. Однако с момента своего возникновения они сразу же попадали под контроль власти и потому оказывались полностью от нее зависимыми. Многие восточные государства древности и Средневековья имели процветающее хозяйство, большие города, развитую торговлю. Но все эти зримые атрибуты частнособственнической рыночной экономики были лишены того главного, что могло бы обеспечить их саморазвитие: все агенты рынка были заложниками власти и любое неудовольствие чиновника оборачивалось разорением, если не гибелью и конфискацией имущества в пользу казны.

В «азиатских» обществах господствовал принцип «власти - собственности», т.е. такой порядок, при котором власть рождала собственность. Социальную значимость в государствах Востока имели лишь причастные к власти, тогда как богатство и собственность без власти мало что значили. Утратившие власть становились бесправными.

На рубеже VII–VI вв. до н.э. в Южной Европе в рамках общества такого типа произошла социальная мутация. В результате реформ Солон и связанных с ними процессов в полисах Древней Греции возник феномен античности, основу которого составляли гражданское общество и правовое государство; наличие специально выработанных юридических норм, правил, привилегий и гарантий для защиты интересов граждан и собственников.

Основные элементы античной структуры не только выжили, но и в синтезе с христианством способствовали формированию в средневековых городах-коммунах, торговых республиках Европы, имевших автономию и самоуправление (Венеция, Ганза, Генуя), основ частнособственнического рыночного

хозяйства. В эпоху Возрождения, а затем Просвещения античный генотип европейской цивилизации проявился в полной мере, приняв форму капитализма.

Несмотря на альтернативность социального генотипа античности по сравнению с эволюционным типом развития на Востоке, примерно до XIV–XVII вв. между Западом и Востоком было много общего. Культурные достижения на Востоке в это время были вполне сопоставимы по своему значению с успехами европейского Возрождения (система Коперника, книгопечатание, ВГО). Восток – это крупнейшие в мире гидротехнические и оборонительные сооружения; многопалубные корабли, в том числе и для океанского плавания; разборные металлические и керамические шрифты; компас; фарфор; бумага; шелк).

Но тут встает сразу несколько парадоксальных вопросов, на которые еще предстоит ответить. Почему, имея лучшую одежду (шелк), лучшую посуду (фарфор), лучшую пищу (рис), лучшие ремесла, большее население, сказочные сокровища, Восток в конце Средневековья стал уступать Западу? Почему изобретатели пороха не имели сильных армий, изобретатели компаса не преуспели в мореплавании, основатели книгопечатания не имели общественного мнения, накопители сокровищ не сумели превратить их в капитал, наличие природных ресурсов не сопровождалось развитием предпринимательства, а полунищая, бедная ресурсами Европа смогла бросить вызов Востоку?

Более того, Европа, выступая наследницей античной цивилизации, приобщалась к ней через мусульманских посредников, впервые познакомившись со многими древнегреческими трактатами в переводе с арабского. Многие европейские писатели-гуманисты эпохи Возрождения широко пользовались художественными средствами, разработанными в иранской и арабской поэзии, само же понятие «гуманизм» впервые прозвучало на фарси и было осмыслено в творчестве Саади.

Однако между Востоком и Западом в рамках их традиционного в целом развития были и существенные различия, прежде всего в плане духовного освоения аналогичных достижений. Так, в Европе, несмотря на господство латыни как элитарного языка эпохи Возрождения, книгопечатание развивалось на местных языках, что расширяло возможности

«демократизации» литературы и науки. На Востоке сама мысль о том, что, например, корейский или японский язык может быть «ученым» языком конфуцианства, в то время вообще не возникала. Это затрудняло доступ к высокому знанию простых людей. Поэтому книгопечатание на Западе сопровождалось усилением авторитета книги, а на Востоке – Учителя, «ученого книжника», «последователя» и «правильного толкователя» какого-либо учения.

Различными на Западе и Востоке были также судьбы науки. Для гуманистов Запада и гуманитариев Востока общими были синкретизм знания и морали, постоянная обращенность к посторонним проблемам человеческого бытия. Однако научная мысль Запада всегда была обращена вперед, и это проявилось в ее повышенном внимании к естествознанию, фундаментальным исследованиям, а это требовало соответствующего уровня теоретического мышления.

Научной добродетелью Востока являлось углубление в древние этико-философские трактаты в поисках скрытых в них предвосхищений. Ученые-конфуцианцы, демонстрируя свою идейную привязанность к классическим авторитетам, постоянно вращались в кругу лишь «правильных» к ним комментариев, даже не помышляя о том, чтобы изменить не только дух, но и букву канона.

Поэтому на Востоке наука до приобщения ее к западному научно-рациональному типу оставалась в рамках рецептурной, практико-технологической деятельности. Восток не знал такого логического феномена, как доказательство, там существовали лишь предписания, что делать и как делать, и знания об этом в неизблемом виде передавались из поколения в поколение. В связи с этим на Востоке так и не возник вопрос об осмыслении в рамках методологической рефлексии всего того «научного» богатства, которое было накоплено тысячелетней в ходе рецептурно-утилитарной ученой деятельности.

На Востоке наука была не столько теоретической, сколько практической, неотделимой от индивидуально-чувственного опыта ученого. Здесь по-прежнему понималась истина, господствовал не логический, а интуитивный метод познания, что предполагало ненужность строгого понятийного языка и всякого формального знания. Естественно, что различные конфуцианские, буддистские, даосийские, синтоистские системы

знаний, воспринимались европейцами как «вненаучные», «донаучные» или «антинаучные».

Характеризуя феномен «восточной науки», некоторые исследователи обращают внимание на два момента. Во-первых, полагают они, мы упускаем из виду возрастную разницу цивилизаций Востока и Запада: «Может быть то, с чего начинали греки, для китайцев было пройденным этапом?». Во-вторых, «наука на Востоке носила синкретический характер» не потому, что не успела выделиться в самостоятельный вид деятельности, а потому, что научное знание было не высшей целью духовного опыта, а лишь его средством (Т. Григорьева). Из этих предположений можно заключить следующее: на Востоке уже в то время или знали, что есть подлинная «вселенская» наука, и поэтому вполне сознательно миновали дедуктивно-теоретический этап ее развития, или предвосхитили современные методологические искания в русле постмодернизма.

Однако более предпочтительным выглядит представление о том, что на Востоке доминировали иные, не дискурсивные стили мышления и познания, где идеи выражались не столько в понятийной, сколько в художественно-образной форме, опорой для них служили интуитивные решения, непосредственные эмоции и переживания. Это придавало большую значимость интерпретации, а не трансляции накопленного мыслительного материала и социального опыта.

Западный тип человека видит в своей реальности хаос, который он должен оформить своей организующей силой. Он – героический тип, он полон жажды власти, он все дальше удаляется от духа и все глубже уходит в мир вещей. Секуляризация – его судьба, героизм – его жизненное чувство, трагика – его конец.

Восточный тип человека героизму и экспрессивности западного противопоставляет «универсальность» («безвкукусность»). В восточной культуре «безвкукусность» – пример мироощущения, ориентированного на сохранение гармонии мира, обладающего внутренним динамизмом развития и поэтому не требующего произвола человеческого вмешательства. В морально-религиозном плане «безвкукусность» – это признак совершенного вкуса, его универсальности, это высшая добродетель, ибо «вкус» есть предпочтение, а любая актуализация – ограничение. В культурной традиции Востока «безвкукусность» –

положительное качество. Это ценность, которая реализуется в практике неосознанного социального оппортунизма, что означает принятие или устранение от дел с максимальной гибкостью и ориентацией исключительно на требование момента.

Поэтому если добродетелями западного человека являются энергичность и интенсивность, мода и сенсация, то восточного человека – точная середина и посредственность, бесшумность и увядание. Для западного человека характерен целерациональный стиль мышления, ориентированный на конкретный результат деятельности и эффективность социальных технологий. Восточному человеку более свойственен предметно-образный стиль мышления. Истиной он считает не то, что подвластно уму и воле человека. Если западный человек нуждается в истинах, которые служат ему, то восточный человек – в истинах, которым можно служить всю жизнь. Поэтому процесс познания у восточного человека – это не столько анализ свойств объекта, сколько его духовное постижение на уровне, недоступном рациональному исследованию. Западный человек, поставленный рациональным мышлением в центр мироздания, игнорирует какую-либо наивысшую волю. Восточный человек, предполагая в основе мироздания некую божественную волю, стремится распознать ее, «войти» в нее и творить ее как свою собственную, преодолевая тем самым конечность бытия.

Западный человек нацеливает себя на изменение мира и человека в соответствии с человеческими представлениями и проектами, восточный человек ориентируется на изменение самого человека как части мира в соответствии с изначальным (не человеку принадлежащим) замыслом. Запад ориентируется на будущее, Восток направлен в прошлое, в вечность.

Если европейский мир в цивилизационном отношении представляет собой относительное единство, то Восток в этом смысле единым никогда не был. На Востоке существует несколько религиозно-культурных цивилизационных регионов, не только весьма своеобразных, но и в различной степени открытых вовне. Это исламская, индо-буддийская, конфуцианская цивилизации.

Исламская цивилизация наименее открыта для внешних воздействий, что обусловлено прежде всего особенностями религии, охватывающей все стороны жизни, включая экономи-

ку и политику. Мусульманский образ жизни не только традиционен, но и самоценен. Для исламской ментальности за пределами мусульманского мира нет ничего, что достойно внимания и подражания. Идеал государства – это государство, где конституцией будет Коран, судебная власть будет опираться на законы шариата, не модернизированные со времени их возникновения. Вместе с тем это традиционалистски активная цивилизация.

Индо-буддийская цивилизация – нейтральная по отношению к внешним воздействиям, что вызвано явным религиозным уклоном в сторону потусторонних проблем (поиски Абсолюта, забота об улучшении кармы и т.п.). Процветание в посюсторонней жизни не представляет сколь-нибудь значительной ценности в рамках данной цивилизации, которая в связи с этим является традиционалистски пассивной цивилизацией.

Конфуцианская (дальневосточная) цивилизация – более открытая по отношению к внешним воздействиям и внутренним трансформациям, что обусловлено конфуцианским культом этики и самоусовершенствования, установкой на посюсторонние поиски гармонии в обществе (культ знаний, повышенное чувство долга и ответственности, крепкие патерналистские связи в семье и обществе, постоянная забота о повышении культуры и дисциплины труда). Это активно-инновационная цивилизация.

Европейская цивилизация при соприкосновении с иными цивилизациями обнаруживает тенденцию к социокультурной экспансии, нетерпимость к иным культурам как низшим и неразвитым.

Восточный тип цивилизаций, особенно мусульманский и конфуцианский, при контактах с другими цивилизациями обнаруживает имперские политические тенденции при толерантности к социокультурным различиям (синдром авторитарно-властного господства и подчинения).

Таким образом складываются основные цивилизационные различия между двумя регионами, Востоком и Западом, противостояние между которыми в начале XXI в. выросло до уровня невозможности адекватного восприятия друг друга, хотя все больше людей как на Западе, так и на Востоке вслед за крупнейшим историком XX в. А. Тойнби осознают необходимость ускорить сближение христианско-европейской цивилизации («голова человечества») с Востоком («душа человечества»).

ва»). Предварительное познание души головой – необходимое условие этого сближения.